

ОТТЕНОК СПОКОЙСТВИЯ

Анастасия Изумруд

18+

Анастасия Изумруд

Оттенок спокойствия

«Автор»

2026

Изумруд А.

Оттенок спокойствия / А. Изумруд — «Автор», 2026

Вере девять, когда мать вырезает для неё из старого журнала заметку: зелёный цвет приносит удачу. Двадцать два года Вера живёт по правилам — семь зелёных предметов перед выходом, зелёные стены, одиннадцать тетрадей с плюсами и минусами. Она не суеверна. Она просто боится. Тихий психологический рассказ о тревоге и о том, как трудно отпустить руль, который держишь с девяти лет.

© Изумруд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Анастасия Изумруд

Оттенок спокойствия

Глава

ОТТЕНОК СПОКОЙСТВИЯ

психологический рассказ

Вера Сергеевна Литвинова

2026

Аннотация

Вере девять, когда мать находит её ночью на кухне — девочка не спит перед первым сентября в очередной новой школе. Мать вырезает из старого журнала заметку про цвета: зелёный приносит удачу. С этого дня у Веры появляется руль.

Двадцать два года она считает. Семь зелёных предметов перед выходом из дома, зелёные стены, зелёные шторы, одиннадцать общих тетрадей с плюсами и минусами. Она не суеверна — она просто знает, что делает. Она корректор и умеет замечать невидимое: лишнюю запятую, двойной пробел, оттенок, который не тот.

Её мир сужается до одного цвета, и в этом сужении ей становится всё труднее дышать. Мужчина, который её любит, уходит, не выдержав не цвета, а её страха. И однажды Вере приходится признать: она двадцать два года носила зелёное, чтобы ничего не случилось, — но всё уже случилось, и этого она не заметила.

Тихая, точная проза о тревоге, магическом мышлении и о том, как трудно сойти с руля, который держишь с девяти лет. О людях, которые не могут выйти в город в красном, и о том, что за этим стоит.

1. Вырезка

Вырезка была размером с детскую ладонь. Вера до сих пор помнила её на ощупь: бумага тонкая, почти газетная, с одной стороны гладкая, с другой шершавая, и на сгибе она уже начала рваться. Поэтому Вера никогда не разгибала её до конца — боялась, что прямоугольник разойдётся по этой белой полоске и распадётся на две бесполезные половины.

Мать вырезала её в конце августа. До первого сентября оставалась неделя, и Вера не спала. Они снова переехали — снова чужой район, снова школа, где никого не знаешь и где надо выйти к доске и сказать «Вера» так, чтобы это прозвучало нормально, а не как оправдание.

Мать нашла её на кухне в два часа ночи. Вера сидела на табуретке, подтянув колени к подбородку, и смотрела, как в тёмном окне отражается их лампа.

— Ты чего?

— Ничего.

Мать постояла в дверях, в халате, с распущенными волосами, потом ушла и вернулась с журналом. «Работница», кажется. Или «Крестьянка» — толстая, с кроссвордом на последней странице, уже прочитанная и лежащая в стопке для растопки. Мать полистала её на свет, нашла нужную страницу, достала из ящика ножницы и вырезала прямоугольник. Края получились чуть косые, с одной стороны не хватало полоски текста.

— Вот, — сказала она. — Читай.

Там было про цвета. Про то, что каждый цвет что-то значит: красный — страсть, жёлтый — разлука, белый — ничего, пустота. А зелёный — цвет удачи, цвет роста, цвет денег. Если тебе нужно, чтобы всё переменялось к лучшему, носи зелёное. И лучше всего — с камнем. С изумрудом. Потому что камень держит в себе свет и не отдаёт его обратно.

Вера прочитала два раза, шевеля губами.

— Это правда?

— Люди пишут, — сказала мать. — Значит, зачем-то пишут.

Это был не ответ. Но Вере было девять, и она ещё не умела отличать ответ от его отсутствия.

Первого сентября она надела зелёные гольфы — единственное зелёное, что нашлось в её вещах. Гольфы были короткие, летние, и к третьему уроку на коленках проступили розовые полосы от резинок, но это было уже неважно.

День прошёл хорошо. Удивительно хорошо. Учительница не вызвала её к доске, а девочка за соседней партой, Наташа, у которой были заколки в виде божьих коровок, сказала: «У тебя пенал прикольный». Пенал был не прикольный, пенал был обычный, но Вера кивнула и сказала: «Спасибо».

Вечером она села на подоконник и стала думать. Думать она умела долго и упорно, как умеют только дети, которым нечем заняться и не с кем поговорить.

Если бы она надела красные гольфы, вызвали бы её к доске? Наверное, да. А Наташа бы заметила пенал? Может быть, и заметила. Но, может быть, и нет. Так устроена жизнь: никогда не знаешь, что было бы. И это было самое невыносимое — жить в мире, где никогда не знаешь, что было бы.

А с зелёным получалось знать. С зелёным появлялась причина. У дня появлялся руль.

Она достала из ящика старую общую тетрадь в клетку, на первой странице написала «1 сентября» и поставила плюс.

2. Правила

К тридцати одному году у Веры было семь зелёных вещей, которые она брала с собой каждый день. Не потому, что семь — счастливое число, а потому, что шесть было мало, а восемь — уже много и выглядело как нездоровое.

Она работала корректором в издательстве и умела различать оттенки лучше, чем большинство людей различают лица. «Бутылочный», «нефритовый», «шалфейный», «фисташковый», «оливковый», «цвет молодой травы», «цвет мокрого мха», «малахитовый». Ей платили за то, что она замечает невидимое: лишнюю запятую, двойной пробел, чужую букву в чужом слове. Может быть, поэтому и с цветом получилось так легко. Она просто делала на улице то же, что делала на работе: проверяла, всё ли на месте.

В её квартире не было ничего незелёного. Это вышло не сразу, постепенно, как обрывает ракушками затопленная лодка. Сначала она купила зелёную кружку, потом зелёный зонт, потом шарф, потом чехол на телефон, потом вторую кружку, потому что первая разбилась, а разбилась она, по совести говоря, в неудачный день. Потом настала очередь полотенец, штор, наволочек. Стены она покрасила сама за одни выходные, валиком, в два слоя, и потом три дня ходила с зелёными руками — под ногтями, в трещинках кожи, и ей это нравилось больше, чем сам результат.

Она не считала себя суеверной. Суеверные — это те, кто боится чёрных кошек и не здоровается через порог. Вера в такие вещи не верила. Вера просто знала, что делает.

Правила были простые, потому что сложные она бы не выполнила, а невыполненное правило — это уже провал, а провал она не могла себе позволить.

Первое: перед выходом из дома — семь зелёных предметов. Считать по одному, не торопясь, вслух или про себя, но обязательно в одном и том же порядке: сначала то, что надето,

потом то, что в сумке. Второе: не начинать важных разговоров в красном. Третье: если день начался плохо, надо сменить что-нибудь на зелёное — что угодно, носки тоже подойдут, — и день начнётся заново. Четвёртое: в тетради каждый вечер — плюс или минус. Минус — это не наказание, это информация. Так она себе говорила.

Тетрадей было одиннадцать. Первая, в клетку, с плюсом за первое сентября, лежала в нижнем ящике вместе с остальными, и Вера иногда доставала её и смотрела на косой детский почерк, на разъехавшиеся плюсы. Двадцать два года плюсов и минусов. Плюсов, конечно, было больше — иначе зачем всё это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.